

Стоя перед этой дверью, Бо Е на мгновение растерялся. Он слегка склонил голову набок, словно погрузившись в глубокую задумчивость.

Снаружи непрерывно хлестал ливень. Плотная пелена воды размывала силуэт сидевшего в машине человека. Мужчина в нетерпении ударил по рулю, заставив клаксон раздраженно взвять, и крикнул:

— Бо Жихва, ты чего завис? Мозги от сырости заклинило? Там больше десяти тысяч человек на арене только тебя и ждут!

В голове мгновенно прояснилось. Бо Е вспомнил: сегодня его последний матч. Сразу после игры он объявит о завершении карьеры — все это было спланировано еще месяц назад.

Облегченно вздохнув, он стряхнул остатки оцепенения. На секунду ему показалось, будто он полностью потерял память.

Застегнув куртку, он вышел из дверей тренировочной базы. Менеджер команды протянул ему из салона черный зонт, но Бо Е, решив не возиться, просто пригнулся и шагнул под струи дождя. Обойдя машину, он открыл переднюю дверь и сел на пассажирское сиденье.

— Зонтик взять религия не позволяет?! — Шэнь Цютянь выудил с заднего сиденья чистое полотенце и раздраженно швырнул его другу, не умолкая ни на секунду. — Если фанаты увидят тебя в таком виде, решат, что наш клуб настолько обнищал, что на зонтах экономит!

Бо Е лениво откинулся на спинку сиденья, небрежно взъерошил мокрые волосы полотенцем и бросил:

— Ладно тебе, поехали уже.

Машина быстро выехала на эстакаду.

Ливень стоял стеной. Видимость на дороге была практически нулевой: идущие впереди автомобили и дорожные знаки тонули в серой водяной пыли. Дворники работали на предельной скорости, с натужным свистом разгоняя потоки воды по лобовому стеклу.

Шэнь Цютянь за рулем мгновенно завелся — в плохую погоду его характер портился окончательно. Он без умолку материл всех подряд: наглых водителей, шедших на обгон, несущиеся на мигающий желтый свет мопеды и саму небесную канцелярию.

Бо Е, давно привыкший к этому ворчанию, поудобнее устроился в кресле и прикрыл глаза:

— Я вздремну. Разбудишь, как приедем.

— Эй, погоди, — Шэнь Цютянь скользнул взглядом по его левой руке. — А что это у тебя за кольцо на пальце?

Бо Е нахмурился, не понимая, о чем речь. Опустив взгляд, он действительно обнаружил на безымянном пальце увесистое платиновое кольцо. Он и сам удивился:

— Это еще откуда... Когда я успел его надеть?

Шэнь Цютянь подозрительно покосился на него:

— И кто подарил?

Бо Е поднес руку к глазам, рассматривая кольцо. В глубине его зрачков промелькнуло замешательство.

— Не помню, — пробормотал он вкрадчиво. — Наверное, кто-то из фанатов.

— Сними сейчас же! Как ты вообще додумался нацепить это? — раздраженно бросил менеджер. — Если на трансляции крупным планом снимут, твои преданные «жены» с ума сойдут. Решат, что ты жениться собрался!

Бо Е и сам понимал, что кольцо сейчас неуместно. Он попытался стянуть платиновый ободок, но тот словно прирос к коже.

Казалось, он носил его уже очень давно — сустав упрямо не пускал металл назад.

Странное чувство шевельнулось в груди. Зачем ему носить кольцо от случайной поклонницы? Судя по тому, как плотно оно сидело, расставаться с ним он не собирался годами.

Кожа на пальце покраснела и начала саднить. Бо Е бросил бесплодные попытки и опустил руку:

— Да ладно, все равно ухожу со сцены. Пусть смотрят, мне уже все равно.

Шэнь Цютянь вдруг спросил:

— Почему ты вообще решил так рано уйти?

Бо Е повернулся к мокрому окну и негромко усмехнулся:

— Мы же это обсуждали. Потому что...

Слова застряли в горле. Бо Е замер с открытым ртом. Осознание того, что он не может вспомнить причину собственного ухода, отозвалось в груди липким, ледяным страхом.

— Бо Е? — позвал его друг.

Голова разрывалась от боли. Мужчина потер пальцами виски, лихорадочно пытаясь выстроить логическую цепочку.

— Почему я ухожу... Мы ведь договорились еще месяц назад. Что я тогда сказал? Я сказал, что больше не хочу жить под прицелом камер.

— С каких это пор тебя пугает публичность? — изумился Шэнь Цютянь, переключая дворники на режим помедленнее. — Профессиональный киберспорт без этого не обходится. Ты восемь лет крутился в этом и в ус не дул, с чего вдруг такие перемены?

Бо Е слегка подался вперед. Лицо его осунулось и побледнело. Он хватал ртом воздух, чувствуя, как невидимая тяжесть сдавливает грудную клетку. Память упрямо подбрасывала крупницы правды:

— Когда каждый твой шаг обсуждают... невозможно построить нормальную жизнь для того, кого любишь. К тому же ты сам знаешь, я гей. На меня и так ушат грязи выливают. Ладно я, но подставлять под удар своего партнера... Его семью...

Шэнь Цютянь оглушительно расхохотался, ударив ладонью по рулю:

— Боже, Бо Е! Ты что, от одиночества совсем рассудком тронулся? У тебя даже парня нет, а ты уже о такой ерунде печешься! Я сейчас со смеху умру!

Бо Е ошеломленно моргнул.

Действительно. У него ведь никого нет. Зачем он забивает голову несуществующими проблемами?

Заметив его замешательство, Шэнь Цютянь мгновенно посерьезнел. Не отрывая рук от руля, он повернулся и в упор посмотрел на друга. Его взгляд казался неестественно глубоким, словно проникающим под самую кожу:

— Ты не можешь уйти, Бо Е. Ты нужен клубу. Ты нужен фанатам. Ты нужен мне. Ты поднялся на такую высоту, ты не имеешь права просто все бросить. Разве ты не говорил, что киберспорт — это вся твоя жизнь? Неужели ты готов от нее отказаться?

Бо Е смотрел на него невидящим взглядом. Прошло несколько долгих, тягучих секунд, прежде чем он деревянным голосом произнес:

— Нет.

Шэнь Цютянь облегченно улыбнулся и снова отвернулся к залитому дождем стеклу:

— Оцепеней и останься. Хорошо?

После секундного колебания Бо Е медленно кивнул.

— Вот и отлично, друг.

Странно, но давящее чувство в груди мгновенно испарилось. Бо Е ощутил небывалую легкость. Он снова откинулся на сиденье, подперев подбородок рукой, и уставился на дорогу.

— Ах да, — невзначай добавил Шэнь Цютянь. — Кольцо-тоними.

Бо Е скользнул взглядом по левой руке:

— Точно, чуть не забыл.

В этот раз он потянул сильнее. Металл нехотя поддался. На побелевшей коже пальца остался четкий след, очертаниями напоминавший латинские символы:

[Can i]

Бо Е прищурился.

«Can i?»

«Can... i...»

Он долго всматривался в эти буквы, пока виски не сдавило спазмом дикой, невыносимой боли.

«Candi».

Вспышка! словно молния разорвала ночную тьму, мгновенно разогнав весь этот морок.

Он ушел из спорта ради Тан Чжи. В тот день Шэнь Цютянь вез его на арену, они тепло попрощались после его финального матча. Он навсегда оставил прошлую жизнь, чтобы быть с Канди. С тех пор прошло четыре года.

Стоило ему вспомнить имя Тан Чжи, как разрозненные кусочки мозаики мгновенно сложились в единую картину.

Это был день его ухода из спорта четыре года назад.

Взгляд Бо Е вновь обрел былую остроту и ясность. Разум полностью очистился от навязанного тумана. Он понял, что все происходящее вокруг — лишь фальшивая проекция. Иллюзия зацепилась за его старые сомнения между карьерой и любовью, пытаясь навечно запереть его в этом дне.

— У меня есть парень. Его зовут Тан Чжи, а это — мое обручальное кольцо. Зря вы пытались стереть эти воспоминания, — Бо Е сжал кольцо в кулаке и тихо добавил: — Стоило мне все вспомнить, как фальшь сразу вылезла наружу.

В следующую секунду Бо Е рванул ручку и с силой ударил ногой в пассажирскую дверь. Проезжавший мимо грузовик с грохотом снес ее, заставив металл жалобно взвизгнуть.

В салон ворвался яростный поток холодного воздуха и брызг.

Бо Е, даже не моргнув, приготовился к прыжку, но его левое запястье мертвой хваткой перехватили.

Шэнь Цютянь удерживал его железной хваткой, упрямо налегая на руль. На его лице застыла мягкая, пугающая улыбка:

— Бо Е, останься. Ты ведь и сам этого хочешь. Здесь ты получишь все, о чем мечтал...

Шум проносящихся мимо машин сливался в сплошной гул.

Их автомобиль продолжал нестись по трассе. Пальцы Шэнь Цютяня впились в руку Бо Е подобно кандалам. Из разбитого проема двери летели брызги, мгновенно намочив одежду и лицо.

В этот момент впереди раздался протяжный, оглушительный рев клаксона. Бо Е скользнул взглядом по зеркалу: прямо на них, теряя управление на скользкой дороге, неслась тяжелая автоцистерна.

Гул приближающегося многотонника заполнял все пространство.

Время пришло.

Бо Е стряхнул воду с лица и негромко произнес:

— Прости, Цютянь. Но Канди меня ждет.

Оттолкнувшись, он резко откинулся назад, позволяя инерции вышвырнуть его из салона прямо под ослепляющий свет фар летящего грузовика.

Приемная на втором этаже

У дверей приемной на втором этаже в нерешительности застыли люди. Каждый из них был погружен в свои невеселые думы.

Гу Мэн в шестой раз посмотрел на часы. 10:40.

Прошло больше пятнадцати минут, но тяжелая дубовая дверь так и не шелохнулась.

Тан Чжи стоял чуть поодаль, прислонившись к обшарпанной круглой колонне. Его тонкая фигура казалась хрупкой в полумраке коридора. Парень опустил голову, на его лице застыло непривычное равнодушие — казалось, он переживал меньше всех.

Гу Мэн негромко вздохнул и опустился на кушетку рядом с Эньцзином. Тот сосредоточенно выводил что-то синей шариковой ручкой на своем левом безымянном пальце.

— Ты чем это занят? — поинтересовался Гу Мэн.

Эньцзинь аккуратно провел последнюю черту и продемонстрировал результат:

— Это мое кольцо.

Гу Мэн только покачал головой. Он сразу понял, что парень просто приревновал, увидев вчера

обручальные кольца у сладкой парочки по соседству.

Глядя на нарисованный на пальце незамысловатый синий ободок, Гу Мэн выдавил максимально серьезную мину:

— Очень мило. Тебе идет.

— Могу и тебе такое организовать, — с царственной щедростью предложил Эньцзинь, пытаясь перехватить его левую руку.

Гу Мэн поспешно отдернул ладонь:

— Нет-нет, спасибо. Слишком дорогой подарок, я просто не могу его принять.

Стоявшие рядом игроки недоуменно покосились на их возню.

В этот момент замок на двери приемной наконец щелкнул.

Под напряженными взглядами собравшихся из кабинета вышел бледный Бо Е. В руке он сжимал плотный белый конверт. Поравнявшись с Эньцзином, он небрежно бросил его парню на колени:

— Держи. Подсказка.

Даже не остановившись, он направился напрямик к замершему у колонны Тан Чжи.

Выглядел Бо Е паршиво. Гу Мэн уже потянулся было расспросить его, но, заметив, как пара молча скрылась в глубине коридора, решил не лезть не в свое дело и опустил обратно на сиденье.

Конверт из дорогой плотной бумаги с золотым тиснением по краям выглядел на удивление изысканно.

Остальные игроки тут же обступили Эньцзиня, наперебой засыпая его вопросами:

— Это награда за прохождение? Что там внутри?

— А этот парень... что он там пережил? Вышел и слова не сказал.

— Лица на нем нет. Похоже, испытание было не из легких.

— Господи, если бы туда занесло меня, я бы оттуда только вперед ногами вышел.

Эньцзинь покрутил конверт в тонких пальцах, не найдя ничего примечательного, и просто надорвал край.

Внутри оказалась плотная карточка, украшенная той же золотой каймой. На ней изящным каллиграфическим почерком были выведены две строчки:

[Ah, distinctly I remember it was in the bleak December:-)]

[О, я ясно помню, это было в унылый декабрь.]

Игроки молча уставились на текст.

Спустя полминуты кто-то робко поинтересовался:

— И что это значит?

— То и значит, — слышался лаконичный ответ.

Над коридором вновь повисла неловкая тишина. Каждое слово по отдельности было понятно, но общий смысл ускользал.

Эньцзинь аккуратно убрал карточку в карман халата, а пустой конверт протянул стоявшему рядом парню:

— Это цитата из стихотворения «Ворон» Эдгара Аллана По. Произведение посвящено тоске по утраченной любви и считается вершиной его поэтического стиля.

Среди игроков слышался восхищенный шепот, кто-то даже негромко похлопал.

Гу Мэн прекрасно понимал, откуда у Эньцзиня такие познания. Последнюю неделю в Умном доме тот практически не вылезал из библиотеки, буквально поглощая книги тоннами. Эта стремительная метаморфоза вчерашнего «чистого листа» в начитанного эрудита вызвала у Гу Мэна легкое чувство растерянности и даже едва уловимую ревность.

Ведь когда они только встретились, этот парень едва мог связать два слова и казался абсолютно беспомощным.

Парень с крашеными желтыми волосами по имени Чэнь Цзяхао — судя по бейджу, он работал здесь медбратом — несмело обратился к Эньцзиню:

— Доктор Энь, а как нам использовать эту подсказку?

Эньцзинь на секунду задумался:

— Без понятия.

Ответ прозвучал максимально честно.

Чэнь Цзяхао подавился невысказанным вопросом.

В этот момент дверь приемной снова отворилась, и оттуда вышла та самая таинственная посетительница. Напевая под нос какую-то веселую мелодию, она неспешно дошла до конца коридора и растаяла в воздухе прямо на глазах у изумленной публики.

Коридор

Бо Е молча шел следом за Тан Чжи. Серые стены длинного перехода были покрыты старыми бурыми потеками, а тусклый свет едва рассеивал лежащие по углам тени.

За окном уныло шуршал непрекращающийся дождь, наводя тоску.

Тонкий, подтянутый силуэт Тан Чжи удалялся по коридору. Из-под воротника медицинского халата белел чистый воротничок рубашки, изящно подчеркивая бледную шею. В каждом его движении сквозила природная грация.

Бо Е понял, что бессмысленная погоня затянулась, и решил сдаться:

— Канди, ну притормози ты.

Тан Чжи послушно замер на месте, дожидаясь, пока мужчина подойдет ближе.

Бо Е облегченно выдохнул и потянулся, чтобы взять парня за руку:

— Ну чего ты злишься? Все ведь обошлось.

Но едва мужчина поравнялся с ним, Тан Чжи резко развернулся и влепил ему звонкую, сокрушительную пощечину. Без жалости и сомнений.

Бо Е отшатнулся, в ушах противно зазвенело, а на бледной щеке мгновенно проступил багровый след, сделав его лицо в полумраке еще более угрюмым.

Глаза Тан Чжи лихорадочно блестели от подступающих слез. В его голосе смешались злость и неподдельный страх:

— А если бы с тобой что-то случилось? Что бы я тогда делал?!

— Кто вообще просил тебя туда лезть?!

— Твоя очередь была, что ли?!

— Бо Е, неужели ты всегда будешь думать только о себе?!

Парень окончательно потерял контроль над эмоциями, слезы покатались по его покрасневшим щекам. Он снова замахнулся, но в этот раз удар пришелся вскользь — ладонь бессильно опустилась на плечо мужчины.

— Я не хочу, чтобы ты вечно заслонял меня собой... Придурок... — срываясь на плач, прошептал он.

Дождь за окном то затихал, то принимался лить с новой силой, наполняя коридор сыростью.

Бо Е переждал бурю, аккуратно коснулся пальцами ушибленной щеки и тихо спросил:

— Полегчало?

Тан Чжи уткнулся лицом в ладони, его плечи мелко дрожали от беззвучных рыданий. Слыша этот тихий, надрывный плач, Бо Е почувствовал, как сердце сжимается от нежности. Он мягко притянул парня к себе:

— Ну иди сюда, дай мне тебя обнять.

Тан Чжи больше не сопротивлялся. Он прижался всем телом к мужчине, уткнувшись носом в его плечо, и крепко вцепился пальцами в ткань его куртки.

— Знал бы — вообще искать тебя не стал. Пусть бы думали, что ты с концами сгинул! — буркнул он сквозь слезы.

— Ну конечно, остался бы мой Канди вдовцом, — тихо рассмеялся Бо Е, зарываясь пальцами в его волосы.

Вспоминая пережитый морок, Бо Е и сам ощутил запоздалый страх. Самым жутким кошмаром в той иллюзии было то, что в его жизни никогда не существовало Тан Чжи.

Ему понадобилось немало времени, чтобы успокоить парня. Тот наконец перестал всхлипывать, но, все еще шмыгая носом, потребовал зафиксировать правила:

— Во-первых, больше никаких глупых рисков. Даже ради меня.

— Во-вторых, все решения принимаем только вместе, предварительно все обсудив.

— В-третьих...

Бо Е не удержался от улыбки, глядя на его забавный надутый вид:

— Что в-третьих?

Тан Чжи замялся под его пристальным взглядом, а затем сердито выпалил:

— И чтобы больше ни одна девка-призрак тебя не лапала! Иначе я тебя загрызу!

Бо Е едва сдержал смех, не отрывая от него сияющих глаз.

— Чего ты так смотришь? — смутился Тан Чжи.

— Ну, до смерти ты меня точно не загрызешь, — Бо Е увлек его за собой по коридору, довольно щурясь. — А вот просто покусать... это я только за.

Тан Чжи послушно зашел вслед за ним в лифт, и только когда двери закрылись, до него дошел двусмысленный намек. Щеки парня мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем:

— Мечтай больше!

Шутя и переругиваясь, они доехали до четвертого этажа. Стоило дверям открыться, как они едва не столкнулись со стариком-разнорабочим, катившим перед собой тележку для уборки.

Пожилой мужчина в поношенной синей форме поспешно нахлобучил кепку пониже и боязливо вжался в стену, уступая им дорогу.

Тан Чжи вежливо кивнул ему в знак благодарности. Проходя мимо, он заметил, что тележка доверху завалена грязными простынями — похоже, старик только что закончил обход комнат.

Мужчина зашел в лифт, и двери медленно сомкнулись.

Бо Е осторожно потянул Тан Чжи за рукав:

— Глянь-ка сюда.

Они как раз поравнялись с дверью палаты 401. Тан Чжи перевел взгляд на круглую металлическую ручку: на ней виднелся отчетливый бурый след.

Кровь еще не успела засохнуть.

— Если этот старик испачкал руки в крови, а потом просто прикрыл за собой дверь... — предположил Тан Чжи.

Бо Е молча трижды ударил по дереву двери.

Внутри стояла мертвая тишина.

Они уже собирались уходить, когда кабина лифта снова звякнула, и на площадку вышли Гу Мэн с Эньцинем, а следом за ними семенила взволнованная Цай Сяоци.

Заметив парочку у чужой двери, Гу Мэн поинтересовался:

— Вы чего тут дежурите?

— Да так, мимо проходили, — Бо Е повернулся к испуганной медсестре. — Цай, ты ведь живешь в 401-й? Советовал бы тебе проверить комнату. Возможно, у вас там что-то пропало... Или появилось.

Цай Сяоци растерялась, но, понимая, что Бо Е не стал бы шутить такими вещами, послушно сделала шаг вперед:

— Сестра Минь жаловалась на плохое самочувствие и ушла к себе пораньше... Если бы что-то случилось, она бы точно... Ой, это еще что?!

Договорить она не успела: пальцы девушки скользнули по чему-то липкому и влажному. Отдернув руку, она испуганно уставилась на испачканную в темной крови ладонь.

Малышка побелела как полотно и принялась лихорадочно тереть руку о край форменного фартука:

— Кровь... Откуда здесь кровь?

Поняв, что внутри может быть человек, Тан Чжи среагировал быстрее всех и решительно толкнул дверь.

Планировка палаты ничем не отличалась от их собственной. Из-за плотно задернутых фиолетовых занавесок в комнате царил угрюмый полумрак.

Быстро осмотрев пустую спальню, Тан Чжи подошел к ванной и распахнул дверь, мгновенно замерев на пороге под пристальным взглядом застывшего человеческого глаза.

Палата 401

В палате 401 горел весь доступный свет. Цай Сяоци сидела на краю кровати, не в силах унять дрожь. Четверо мужчин столпились у порога ванной комнаты, изучая страшную находку.

Тело Хуан Минь оказалось зажато в узком проеме между раковиной и ванной. Ее голова безжизненно свисала над краем чугунной чаши, а из-под спутавшихся влажных волос на вошедших безумно пялился единственный уцелевший глаз. Вся грудь несчастной была залита кровью, а окоченевшие пальцы правой руки намертво сжимали хирургический скальпель со следами бурых потеков.

Ванна была до краев наполнена водой. Из-за попавшей туда крови она приобрела неестественный нежно-розовый оттенок. Но куда страшнее было то, что лежало на самом дне: там, покачиваясь в воде, покоилось разорванное глазное яблоко, за которым тянулся длинный обрывок зрительного нерва.

Пройдя через кошмары Зеркального мира Чуныцзы, мужчины лишь молча созерцали эту картину. Подобная смерть казалась им даже относительно «аккуратной» — по крайней мере, тело осталось целым. И все же в этой сцене сквозило какое-то изощренное безумие.

Эньцзинь присел на корточки у самого порога, позволив полам белого халата коснуться пола. Склонив голову, он внимательно изучал застывшее лицо погибшей и рваную рану на ее груди.

Гу Мэн наклонился к нему, упершись ладонями в колени:

— Как думаете, этот скальпель ей кто-то вложил в руку после смерти, или она держала его сама?

Эньцзинь почувствовал теплое дыхание у своего уха, его мочка едва заметно дернулась.

— Пальцы сведены судорогой, хват обратный. Она сама держала оружие, — Бо Е небрежно прислонился к дверному косяку, скрестив ноги. — Вопрос в другом: куда именно она нанесла удар?

— В глаза, — коротко бросил Эньцзинь.

Гу Мэн вздрогнул и покосился на него:

— Хочешь сказать, она собственноручно вырезала себе глаз... а потом бросила его в воду?

— Не только, — покачал головой Эньцзинь. — У нее забрали сердце.

Остальные трое удивленно переглянулись:

— Откуда такая уверенность?

Ткань одежды так густо пропиталась кровью, что разглядеть под ней характер ранения было практически невозможно, не говоря уже о внутренних органах.

Эньцзинь обернулся и посмотрел на них с легким недоумением, словно удивляясь их недогадливости:

— Глазами вижу.

—...

Выяснить, что именно заставило женщину совершить это чудовищное самоубийство, куда делось ее сердце и что послужило истинной причиной смерти, пока не представлялось возможным. В этом безумном мире обычная логика не работала, оставалось лишь ждать новых подсказок.

Поняв, что больше здесь ничего не найти, мужчины спустились вниз. Приближалось время обеда. Они быстро отыскивали остальных игроков и сообщили о гибели Хуан Минь. Новость повергла всех в шок, и толпа тут же ринулась наверх, к палате 401.

Столовая

В обеденный час в столовой оказалось пусто — за столом сидели только они четверо.

Меню осталось неизменным: все те же два мясных блюда и один гарнир.

Женщина на раздаче с абсолютно безучастным лицом плюхнула на пластиковый поднос Гу Мэна порцию разваренного картофеля с мясом.

Гу Мэн помялся у окна, а затем вежливо произнес:

— Извините, уважаемая. Не могли бы вы завтра перед готовкой слегка обжарить говядину и картофель в масле? Буквально пару минут, пока картошка не покроется золотистой корочкой. А под конец убавьте огонь и дайте соусу хорошенько загустеть. Будет намного вкуснее, если добавить немного крахмала для густоты.

Повариха медленно подняла на него тяжелый, мертвенный взгляд и ледяным тоном процедила:

— Проваливай.

— Понял, ухожу, — пробормотал Гу Мэн, поспешно забирая поднос. Отодя в сторону, он тихонько добавил: — С таким подходом вас скоро уволят.

<http://bllate.org/book/19652/1996915>